

Dasha Gauser

ДНК МОДЫ

Как стать
fashion-дизайнером
своего бренда

Даша Гаузер

МИО

МИФ Бизнес

Даша Гаузер

**Dasha Gauser: ДНК
моды. Как стать fashion-
дизайнером своего бренда**

«Манн, Иванов и Фербер»

2023

УДК 658:687.1
ББК 65.291:37.24

Гаузер Д.

Dasha Gauser: ДНК моды. Как стать fashion-дизайнером своего бренда / Д. Гаузер — «Манн, Иванов и Фербер», 2023 — (МИФ Бизнес)

ISBN 978-5-00-195850-5

В этой вдохновляющей книге вы не только познакомитесь с историей современной фешн-Золушки Даши Гаузер, но и узнаете много нового о мире моды и законах, по которым он живет. Когда Даша ушла с унылой офисной работы и решила шить дизайнерские платья, она еще не знала, что вскоре будет одевать звезд, а коллекции ее бренда украсят развороты глянцевого журнала. Путь от швеи, продающей платья в интернете, до модного дизайнера с четырьмя магазинами в центре Москвы был стремительным и полным открытий – о себе, бизнесе и жизни. В конечном счете все это собралось под одной обложкой. В книге Даша рассказывает о своем профессиональном пути: как создавала свою первую мастерскую, где принимала заказы, как рос бизнес, как проходит подготовка к Неделе моды и что происходит на закрытых мероприятиях после показов. А также об изнанке мира моды, дружбе со звездами, выгорании и трансформации творческой энергии в новые идеи. Для кого эта книга Для тех, кто собирается связать свою жизнь с фешн-индустрией. Для всех, кому интересна мода.

УДК 658:687.1
ББК 65.291:37.24

ISBN 978-5-00-195850-5

© Гаузер Д., 2023

© Манн, Иванов и Фербер, 2023

Содержание

Последний показ	7
Глава первая. Мечта	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Даша Гаузер

DASHA GAUSER: ДНК моды. Как стать fashion-дизайнером своего бренда

Фото на вклейке – из личного архива Даши Гаузер

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Даша Гаузер, 2023

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Посвящается Анне, Артему и Тимуру

Последний показ

Бэкстейдж

Я стою на шатком стуле и судорожно наматываю на голову модели подобие чалмы. Повсюду вспышки фотокамер – процесс ловят фотографы бэкстейджа. Понимаю, что глупо выгляжу на этом островке высоты, чуть выше модели, рост которой больше ста восьмидесяти плюс тринадцатисантиметровые каблуки. Но мне нужно за считанные минуты до начала шоу сделать головные уборы десятку девушек. Трясущимися от напряжения и усилий руками делаю последний заворот из ткани и вонзаю бриллиантовую брошь в место крепления. Севшим голосом выкрикиваю имена девочек, которым еще не соорудила головной убор. С высоты стула мне открывается целостная картина происходящего. Вижу, как над моделями колдуют дрессеры¹, парикмахеры и визажисты, собирая на показ.

Кто-то тычет меня пальцем в бок. Оборачиваюсь и вижу растерянное лицо пятнадцатилетней модели.

– Что случилось?

– У меня обувь забрали.

– Кто?

Девочка робко указывает на прожженных в модельном бизнесе близняшек. Не выпуская ткани из рук, продолжаю крутить следующую чалму.

– Где Катя? Она отвечает за обувь, – ищу взглядом помощницу, не нахожу и пытаюсь перекричать толпу.

Катя собирала вещи к показу и формировала комплекты – пара обуви под собранным луком² для каждой модели. И только она знает, сколько туфель взяли на показ.

– Она пошла встречать гостей, – отвечает волонтер, которого я вижу в первый раз.

– Ну это все... Ищите пакеты с дополнительной обувью.

В примерке хаотично беснуются неизвестные мне люди, выпроводить которых получается, только применяя силу и ругаясь матом. Шестнадцать моделей, пятеро парикмахеров, столько же визажистов, девочки на подхвате и человек семь волонтеров, два амбала из охраны, висящие над ухом организаторы Недели моды и трое уцелевших после моего разгона фотографов толкнутся в двадцати квадратах. Да еще партнеры выстроили охрану возле ювелирки стоимостью миллион рублей за каждое изделие.

– На подиум тоже с моделями пойдете? – спрашиваю охранников.

Чувствую, как кровь неестественно сильно пульсирует в моей голове. Мы задержали показ уже на двадцать минут, в жестких рамках расписания Недели моды это критично. Показы дизайнеров идут один за другим на одной площадке, любая задержка отражается на всех следующих показах этого дня.

– Мы снимем тебя с расписания! – кричит на меня юноша из оргкомитета Mercedes-Benz Fashion Week Russia, у которого в голове рисуется перспектива увольнения с позором из-за допущенной паузы. Его голос тонет в гуле суеты.

«Ему хоть семнадцать-то есть?» – проносится у меня в голове.

¹ Дрессер (от англ. *dresser*) – костюмер.

² Лук (от англ. *look*) – на модном сленге обозначает образ.

Прибегает модель с предыдущего показа с адским макияжем и котлами на голове. Беру за руки первых попавшихся стилистов, тащу их к модели: «Быстро!» и убегаю докручивать головные уборы.

Стилисты, работающие на неделях моды уже несколько лет, расшифровывают указание точно. Пять минут колдовства в восемь рук – и полностью преображенная девочка готова к моему показу.

– Даша, мы позвонили Кате, она сказала, что обуви больше нет, все, что было, уже на моделях.

Как мы могли упустить из виду одну девочку? А я знаю как. Близняшки сегодня все утро бегали по дизайнерам, то на репетицию, то на примерку, а за пять минут до показа выяснили, что не обуты... Что же делать?

– Какой у тебя размер?

– Сороковой.

Да ладно... Что за дети пошли? В пятнадцать лет рост сто восемьдесят, размер ноги сорок...

– Отлично, надень мои.

– Они же тридцать восьмого!

– Привыкай.

Ко мне подбегает юноша от Недели моды:

– Мы начинаем показ прямо сейчас, как есть, хоть с голыми моделями!

Отталкиваю его и подлетаю к модели, у которой подол платья длиннее положенного. Как это возможно? Мы же на примерке подкалывали длину. Ну правильно, вот иголки, забыли подшить. Бросаю грозный взгляд на конструктора.

– Режь!

Конструктор склоняется к ногам модели и прямо на ней осноравливает³ низ изделия.

Краем глаза вижу, как в гримерку wpłyвает актриса и распахивает объятия.

– Дорогая, я пришла тебя поздравить. Офигительный показ! – растягивая каждое слово, пропела актриса. Мы обнялись и расцеловали друг друга в обе щеки.

– Спасибо. Показ еще не начался. Иди, садись в зал, молодой человек тебя проводит.

Юноша-организатор при виде звезды растерял бдительность и в благоговейном трепете побежал к ней.

– Ну ла-а-адно, потом поздравлю, – нежно протянула актриса, загадочно размахивая букетиком с предыдущего мероприятия. – А где пресса? – спросила она у юноши.

– Пойдемте, я вас провожу, – рассыпался он перед ней.

Вот как посторонних пускают на бэкстейдж? Хорошо хоть юношу обезвредила.

Так, что у нас происходит? В дальнем углу гримерки какая-то возня. Подойдя ближе, вижу, что студентка-волонтер, натягивая платье на модель, сломала молнию. И не просто сломала, а вырвала с мясом: дыра зияет, словно свежая рана, по краям свисают остатки молнии, оторванные куски ткани и нитки. В этот момент Голос Недели моды вещает на весь Манеж: мой показ начинается через пять минут.

– Шить умеешь? – спрашиваю я студентку.

– Да, – испуганно лепечет она в ответ.

– Зашивай.

– Прямо на ней?

– Прямо на ней.

– Так как же? У меня еще второй выход, – кричит мне вслед начинающая модель.

³ Осноровать – термин в индивидуальном пошиве, означающий работу с длиной изделия, при которой ткань внизу отрезают и подшивают под рост клиента.

– Значит, пойдет другая.

Опять у меня поплывет порядок выходов. Бросаю быстрый взгляд на схему показа, понимаю, что осилить три выхода сможет только одна из близняшек.

– Рубленко!

– Да.

– Иди примерь еще один выход. Быстро, – указываю на одежду, оставшуюся без модели. Задержка показа – сорок минут.

– Так, девочки, все за подиум! Вывозите вешало со вторыми выходами, посмотрите, все ли взяли? Аксессуары, сумки, обувь, – кричу команде. – Вам тоже на выход, – указываю в сторону подиума двум растерянным охранникам.

Хоть и поставила на каждую модель по дрессеру, обвожу гримерку взглядом, выцепляя необходимые для показа вещи среди разбросанных колготок, нижнего белья и не вошедших в показ вещей.

– Даш, посмотри на меня. Утверждаешь? – подбегает Рубленко в третьем выходе. Идеальная посадка на идеальной фигуре. Замираю. Мурашки.

– Да, – улыбаюсь я, – скорее переодевайся в первый лук.

Нисколько не сомневаюсь, что она справится с работой идеально. Готова простить даже хамское поведение. «Результат любой ценой. Это фешн, детка».

За сцену мы уже бежим по темным коридорам Манежа. Под ногами – спутанные провода и сценическое оборудование. Толпа моделей, визажистов, парикмахеров, дрессеров, фотографов, охранников с кучей реквизита, рейлами с одеждой, спотыкаясь и толкаясь, сметает все на своем пути. Топот заглушает Голос Недели моды, возвещающий о начале показа. За кулисами темно, тесно и душно. Я повторяю маневр, который совершила двадцать минут назад в гримерке, только уже с помощью охраны: посторонних, в том числе прессу и блогеров, выводят. Представляю, что они обо мне напишут. Но это единственный способ сделать показ качественно. «Результат любой ценой» – повторяю я свою мантру.

– Девочки, построились в порядке выходов, – берет на себя функции руководителя режиссер. – Вот карта показа, – указывает он на ватман с приклеенными к нему фотографиями моделей: Рубленко, Ким, Зайка, Савченко, Рудакова, Жук, Круз...

Нервно поправляю каждую модель лично по несколько раз. Ругаюсь на стилистов – модель должна быть собрана идеально: вылизанная до миллиметра прическа, безупречный макияж, маникюр, отутюженная одежда, расправленные складки с идеальной посадкой.

– Дашенька, можно я накрашу губы моделям? – растягивая слова, спрашивает визажист.

– В смысле? – я чувствую, что от негодования у меня на лбу выступают крупные вены. – Вы до сих пор не накрашили губы? Вас же сто тысяч человек здесь... Жесть... – выдыхаю. – Конечно, быстрее!

Я знаю, что перенапряжена. Но готова держать еще удары. По телу прошел озноб, в голове забила барабанная дробь, кровь так резко прилила к вискам – на секунду подумала, что теряю сознание. Нет, обошлось. Тайком смотрю из-за кулис. Полный зал. В проходах стоят люди, которым не хватило места. Ищу на первом ряду Эвелину, Ляйсан⁴ и Юлию Ковальчук, которые обещали быть. Пока не вижу.

– Даша, все модели на месте, рассадка гостей закончена. Начинаем? – спрашивает режиссер.

– Не-е-ет, – вопит запыхавшийся юноша. – Мы ждем депутата Государственной думы. Он подъезжает.

– Начинаем! – отвечаю в полной готовности отработать двадцатиминутное шоу.

⁴ Телеведущая, на тот момент главный редактор журнала L'Officiel Эвелина Хромченко; гимнастка, шестикратная чемпионка Европы, обладательница Кубка мира и телеведущая Ляйсан Утяшева.

– Свет! Музыка! – слышу обрывки запускающегося механизма в рацию. – Поехали!

Подиум

Наступила абсолютная темнота. Я подумала, что мне хочется задержаться в ней, как в укрытии. Ведь когда включают софиты и подиум заливает свет, зрители увидят очередную коллекцию во всех деталях и ракурсах. С первых рядов можно оценить даже качество строчек. Свет будет настолько ярким, что все мои живописные изыски станут плоскими и понятными, как становится понятна структура вещества ученому, рассматривающему ее в микроскоп. Коллекция на подиуме как только что родившийся младенец, привыкший к уютной утробе матери, – при ярком свете медицинского оборудования, в новом для него воздушном пространстве и после резких шлепков по нежной коже, его уютный мир исчезает.

Я вздрогнула под первые громкие звуки музыки. Экран за кулисами, на котором шла прямая трансляция показа, стал ярким – вышла первая модель. Рубленко. Смотрю на монитор, затаив дыхание. Она прекрасна, на ней скульптурное платье с развевающимся ассиметричным шлейфом. Первый выход самый ответственный: нужно заявить тему коллекции, но не раскрыть полностью, только намекнуть. Это должен быть сильный, запоминающийся образ, так как именно он станет обложкой фотоальбомов коллекции на сайтах различных СМИ. Это визитная карточка коллекции «Органика» сезона весна-лето 2017.

Вспышки фотокамер ослепили меня и вернули к реальности. Вот как фотографы умудряются испортить волшебный момент? Что они хотят запечатлеть? Блаженное лицо дизайнера с открытым ртом? Всегда с болезненными ощущениями и дрожью от воспоминаний просматриваю фотографии с бэкстейджа. Вот я исхудавшая с ввалившимися щеками и синяками под глазами, цвета мрачной оливки в восемь утра на репетиции. Вот я ростом метр шестьдесят неуклюже приподнимаюсь на цыпочках, пытаюсь дотянуться до прически модели. Вот я оцениваю пробный макияж у моделей, щурясь и собирая всю усталость в паутину морщин. А здесь я уже с металлическим блеском в глазах отдаю деспотичные распоряжения визажистам, что переделать. Ни одной фотографии, где я мягкая и счастливая. Зато когда фотографам удастся передать атмосферу за кулисами, получается магическая история. Созданные мной образы проступают из темноты в нарастающих лучах софитов. Лишь поэтому фотографы здесь.

Модели стали прибегать после первого выхода и в тесном полумраке собираться для второго. Обычно профессиональной модели требуется всего минута, чтобы при помощи дрессеров переодеться. Но бывают сложные выходы, где многослойность или дизайнерский крой заставляют задержаться. случается и так, что платье оказывается задом наперед и приходится заново переодеться. Задержки с выходом моделей на подиум происходят на каждом показе, это частично рушит выверенный порядок. Обычно при создании структуры и режиссуры шоу я рассказываю историю, где одна форма перетекает в другую и каждый цвет поддерживает соседний. Правильно подобранная музыка превращает эту историю в завораживающую мистификацию. Я плету свое волшебное кружево.

– Даша, посмотри на меня, – девочки за много сезонов сотрудничества со мной знают, что я лично проверяю, правильно ли собрали модель для выхода.

Я выкладываю в нужную сторону драпировку, одергиваю низ изделия, проверяю, не поехал ли средний шов на спинке, и отправляю модель на подиум. Отряхиваю следующую от прилипших ниток, поправляю прическу так, чтобы открыть уши с дорогущими серьгами из белого золота с изумрудами, и хлопаю по спине, тем самым извещая, что она готова.

Чувствую сильный толчок в бок, меня сносит собственная же модель. Она мчится к рейлу со вторыми выходами. Рубленко... Вспоминаю, что у нее три выхода, подбегаю, чтобы помочь переодеться.

– Даша, у нас одна модель подвернула лодыжку, она не сможет сделать второй выход.

Жесть. А я после показа буду расхваливать прессе эту адскую обувь, рассказывая о ее удобстве...

– Кто?

– Устинова. У нее остался розовый жакет с брючками.

Кого же я впихну в сороковой размер? Озираюсь, выцепляю взглядом пятнадцатилетнюю модель, ту самую, у которой забрали обувь старшие сестры по цеху. Длинноногая тонкая лань с красивым и модным лицом, которую очень скоро заметят букеры и «продадут» за границу, сначала в Китай, затем в Европу. А у меня ее первый показ. Я расписала на нее всего один выход, посчитав, что для начала достаточно, но обстоятельства распорядились иначе. Блестяще отработав свой выход, она, переполненная адреналином сцены, пытается отдышаться в уголке.

– Готовьте Круз. И пусть Устинова отдаст ей свою обувь.

«Результат любой ценой». Но никто не знает, что это за цена. Все видят только красивое шоу, вылизанных моделей в дизайнерской одежде, излучающих праздник. Для зрителей этот день такой же, как и предыдущий, им неизвестно, что за двадцатиминутным шоу стоит полугодовая интенсивная работа целой команды высококвалифицированных специалистов-фанатиков, три недели голода моделей, сожженные волосы и лодыжка Устиновой.

– Даша, у нас девочки все вышли, осталась одна модель, но там что-то с платьем. Запускаем общий финал? – кричит мне в ухо выпускающий режиссер.

Я оглядываю всех моделей и вижу, как целая толпа дрессеров кружится над Ким.

– Девочки, построились на финал, – командует режиссер.

– Нет, у Ким последний выход! – кричу я с отчаяньем.

Завершающий образ для показа – как развязка в романе, где наступает катарсис. Это самое сложное и потрясающее платье. Без него нельзя. Это все равно что из фильма «Великая красота» вырезать сцену с фламинго. Платье должно выйти любой ценой. Я подбегаю к группке дрессеров, хлопчущих над Ким.

– Что случилось?

– Она не влезает. Молнию заклинило.

Что ж сегодня с молниями-то?

– Разрезайте молнию и зашивайте на ней.

За секунду платье было распорото, Ким быстро влетела в него, оставалось зашить.

– Даша, мы не можем больше подиум держать пустым. Мы запускаем финал, – бьется в истерику режиссер.

– Нет! Ждите! Нам нужно всего полминуты, – не оборачиваясь, кричу сорванным голосом режиссеру. – Берите еще иголки и шейте в несколько рук, – отдаю распоряжение команде.

Хватаю иголку с первой попавшейся ниткой и лихорадочно приступаю к делу сама. И... слышу финальную музыку. Оборачиваюсь лишь для того, чтобы утвердиться в самых мрачных подозрениях: режиссер выпускает девочек на финальный выход. Мой четко выстроенный мир поплыл... и рухнул. Я почувствовала подступающую тошноту.

Меня кто-то взял за руку и потащил к подиуму.

– Приготовься на поклон, – услышала я бесчувственную команду режиссера.

На поклон я вышла ошеломленная наглостью, порвавшей мое волшебное кружево. Растерянно улыбнулась под яркими софитами, все еще держа иголку в руках, не слыша ничего, кроме сумасшедшей барабанной дроби в висках.

Перед глазами туман. Чувствую липкие прикосновения. Меня обнимают вспотевшие модели. Я слышу слова благодарности и поздравления. Команда хлопает и улюлюкает, встречая с подиума.

– Дорогая, ты наш любимый дизайнер, – окружают меня близняшки.

– А вы мои, – посылаю искренний воздушный поцелуй вдогонку, они уже убегают на следующий показ.

– Даша, спасибо вам большое, что поверили в меня, – чистота благодарных глаз пятнадцатилетней Круз как глоток свежего воздуха в этом ненормальном дне.

– Верь в себя, малышка, у тебя все впереди, даже Неделя моды в Париже, – отдаю свою последнюю частичку тепла. Через пару лет Милана Круз возьмет все мировые подиумы, а сейчас она моя малышка.

За кулисами включили свет, и я увидела пробивающихся через охрану многочисленных гостей.

– Пропустите всех.

В мгновение ока возле меня и звездных гостей оказались репортеры. Гости с удовольствием отработывали светскую хронику. Я принимала цветы и поздравления, не разбирая слов. Слезы душили изнутри, но я улыбалась профессиональной улыбкой, позируя фотографам. Долгожданных звезд, на которых я рассчитывала, за кулисами не было, я подумала, что их задержала пресса или они поспешили на следующее мероприятие.

Затем полились бесконечные однотипные интервью, на которых я работала все с той же улыбкой. «Говори через улыбку», – совет редактора рубрики на ТВ встроился в мой ДНК.

– Освободите помещение, начинается следующий показ, – бесцеремонно вторгся в съемочный процесс юноша-организатор.

– Пойдемте в мою гримерку, там и доработаем, – предложила я журналистам.

Большой толпой с кучей камер, оборудования и света мы двинулись через кордон охраны на бэкстейдж. В гримерке был погром, оставленный моделями после сборов. Повсюду валялась одноразовая посуда, мягкие пакеты, упаковка от подарков и забытые скомканные вещи. Картина напоминала спальные кварталы Шанхая двухтысячных. Меня ждали уставшие родные, близкие друзья и остатки моей команды, чтобы подвести итоги дня и поздравить.

– Еще немного, мои хорошие, – прошептала я, развернулась и направилась с журналистами в общую зону, где готовили модели на следующий показ.

Раздав десяток интервью, поблагодарив команду визажистов и парикмахеров, взглянула на часы: прошел еще час. Я поплелась обратно в гримерку. Там было уже пустынно, остались только любимый, сестра и подруга. С грустью подумала, что не успела поблагодарить команду и обняться с родными, села на стул, сняла тесные туфли с отекающих ног с кровавыми мозолями и выдохнула. Только сейчас я осознала, как сильно у меня болит голова.

– Дайте воды и таблетку.

– Что болит?

– Все.

Сестра принесла «Найз» и стакан холодной воды. Я вытянула ноги, выпила таблетку и прижала холодный стакан к виску.

– Что это было?..

Глава первая. Мечта

Подвиг № 1

Началось все с мечты – создавать красивые платья. Помню свою первую работу в Москве в две тысячи шестом году. В большой уютной комнате, бок о бок с десятком офисных сотрудников, я тайком разглядывала глянцевого журнал, который прятала под столом. Долигала до коллекции Александра Маккуина, по коже прокатилась волна мурашек. Тогда еще не понимала, что мое призвание тоже где-то рядом. Игнорируя знаки тела, я продолжала трудиться из утасующих сил над дизайном упаковки, сайта и полиграфии для дешевой марки косметики. Руководство это устраивало: средний дизайн среднего продукта для среднего потребителя. Мне казалось, что я застряла где-то между версткой задников для нескончаемых тюбиков с кремами и баннеров с изображениями лекарственных растений. Все дни были похожи друг на друга. Все будни трех лет как один замедленный неказистый день сурка.

Я познала многие прелести офисной культуры: субординацию, скучнейший дресс-код, наказание рублем, заговоры, гонение коллективом, бойкот, разгульные корпоративы и бессистемный контроль со стороны руководства.

Я не видела выхода из сложившейся ситуации и загнала себя в порочный круг. Мне не хватало мудрости понять, что происходит, и не хватало смелости разобраться с этим. Казалось, если уволюсь, умру с голоду где-нибудь на улице. Мне действительно так казалось, даже нет, не так: я была в этом уверена. У меня были четкие установки из детства, что нужно много работать, чтобы мало зарабатывать. Что я должна рассчитывать только на себя и не просить помощи. Что неспособна сделать свой проект, приносящий изобилие, и не достойна чего-то большего. Я совсем забыла, как звучит мой внутренний голос, по вечерам заглушая его алкогolem под злые байки о несовершенстве руководителей. И открыла в себе дар язвительного непризнанного гения, который ничего не создал, и философа, которого слушал один человек – мой бойфренд.

Я часто болела, вернее болела каждый день, с поправкой лишь на то, смогу ли в таком состоянии выйти на работу или нет. Симптомы были разные – от ангины и пониженного давления до панкреатита, но суть одна – тотальное неудовлетворение.

Ранним утром я шла на работу по пустырю от метро «Полежаевская» вдоль бесконечного бетонного забора с нецензурными надписями до 5-й Магистральной как можно дольше, чтобы отсрочить начало рабочего дня. Пятнадцать минут маршрута растягивались в мои двадцать пять минут тошноты, которая непременно наступала при воспоминании о предстоящих рабочих процессах. Было ветрено и грязно на стихийной пустынной тропе, было страшно и опасно идти в ногу с маргиналами, вышедшими опохмелиться. Но это были лучшие двадцать пять минут свободы за весь рабочий день.

Я приходила в офис, отмечалась, получала первую докладную от охранника за опоздание и поднималась на свое рабочее место. Неудобный стол и стул, расположенные в проходе возле колонны; серые стены; яркие мигающие люминесцентные лампы и всегда опущенные кривые жалюзи на окнах «выстегивали» с первых же минут. Принесенные из дома денежное дерево, фиалка и даже кактус умерли в первую же неделю.

– Дарья, – прокатился мужской рык по второму этажу здания. Все замерли, гадая, пострадают они «прицепом» или нет.

Я неслась по длинному мрачному коридору в кабинет руководителя и владельца семейного бизнеса в одном лице Дмитрия Крыжина, выстукивая каблуками марсельезу. За столом

переговоров уже собрались все его жены, кровные родственники и сваты. Скромно зависаю в дверях, распознавая настроение.

– Ну, а что вы там висите? Проходите, присаживайтесь и объясните, почему еще не готова верстка буклета?

– Я тружусь над вашим заданием по разработке имиджа в журнал «Л'Этуаль», который сдавать завтра.

– Почему вы не поручили верстку Наталье?

– Она не владеет Кварком⁵.

– Отдайте ей верстку задников.

– Я давала, но вам не понравился результат.

– Чем тогда она занята?

– Разбирает и сканирует прессу.

– Дизайнер за семьсот долларов сканирует прессу? – закипает Дмитрий. – Вы что, неспособны обучить человека?

– Ее легче уволить, чем обучить, – нарываюсь сама на увольнение, осознавая, что Наталью, дочку подруги жены, никогда не уволят.

Присутствующие ахнули. «Нахалка», – доносится со стороны матери Дмитрия, Антонины Николаевны.

– Когда будет готов имидж для «Л'Этуаль»? – сверлит меня взглядом муж сестры Дмитрия.

– Если приступлю к доработке прямо сейчас, к вечеру будет готов.

Враждебная тишина вонзается в уши.

– Идите и пригласите Наталью.

– Хорошо, спасибо.

– Она еще и огрызается, – шипит Антонина Николаевна.

Я выскользнула в приоткрытую дверь, зацепив все эпитеты, которые прозвучали. Я была неудобна с точки зрения дисциплины, но они не могли найти мне замену вот уже три года, поэтому терпели.

– Наташа, пройди к Дмитрию в кабинет.

– Опять пожаловалась?

– Ага, а еще предложила тебя уволить.

⁵ QuarkXPress – программа для верстки многостраничных изданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.